целенаправленный многолетний поиск системообразующих связей, разработали универсальный понятийный аппарат фонологии. Для Н. С. Трубецкого фонология в силу обозримости элементов и прозрачности связей между ними была прежде всего удобным полигоном для отработки и апробации «чисто лингвистических методов исследования языка». В 1930 г. Н. С. Трубецкой, готовясь к фонологической конференции, объяснил устройство фонологических оппозиций и корреляций как противопоставление признакового беспризнаковому на основе наличия — отсутствия соответствующего признака [11, с. 165]. Это открытие сразу же оценил Р. О. Якобсон, предугадав, что оно «будет иметь значение не только для лингвистики, но и для этнологии и истории культуры». Впоследствии историографы нашей страны будут сравнивать это открытие с открытием Архимеда и Ньютона [12, с. 26, 89, 709].

5.5. «Фонология,— писал Трубецкой,— как теория звуковых противопоставлений, и морфология, как теория формальных противопоставлений, представляет собой две отрасли одной и той же науки, которая должна исследовать противопоставление лингвистических значимостей. Причем все отрасли этой науки должны применять одинаковые методы исследования» [13, с. 151]. Таким образом, не только фонология и морфология, но и другие разделы науки о языке получают единое основание, единые методы исследования, все ранее разрозненные научные дисциплины объединяются в целостную науку о языке.

5.6. Поиски «фонологической связанности» (Н. Н. Дурново) привели к открытию системообразующих связей не только в синхронии, но и в диахронии. Р. О. Якобсон заложил фундамент диахронической фонологии, разрабатываемой далее Е. Д. Поливановым, М. И. Стеблиным-Каменским и др. Перенесение идей и методов диахронической фонологии стимулировало развитие диахронической морфологии. Практически доказав, что и «диахрония системна», отечественные лингвисты сняли антиномию Соссюра, утверждавшую системность и взаимосвязь элементов лишь для синхронии.

6.1. Интенсивное развитие лингвистики в России стимулировалось многими практическими задачами, в решении которых играли ведущую роль крупнейшие ученые. Так, в начале XX в. Ф. Ф. Фортунатов руководил подготовкой реформы русской орфографии. Научная дискуссия по теоретическим основам и принципам орфографии вообще и русской в частности сконцентрировала огромный научный потенциал на проблемах взаимоотношения между письменной и устной формами языка, между языком и речью, между буквой и звуком, буквой и фонемой. В дискуссии приняли участие А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.

6.2. В начале 20-х годов остро встала задача «языкового строительства», демократизации литературных языков народов России, совершенствование письменности старописьменных языков и создания письменности для народов, не имевших письменности, своих национальных языков. Апробировались и совершенствовались сложившиеся на русском и славянском материале теории литературных языков. Е. Д. Поливанов весьма удачно решил задачу выбора народно-разговорной основы современного узбекского литературного языка.

6.3. Ведущий теоретик «языкового строительства» Н. Ф. Яковлев поставил задачу создания «прикладной лингвистики», которая должна теоретически «освещать и обобщать практическую работу по совершенствованию и созданию письменности. Такая прикладная лингвистика» должна базироваться не на традиционном историко-сравнительном изучении языка, а на «вновь возникающей, т. е. „статической“ или „синхронической“ лингвистике». Здесь, пожалуй, впервые, подмечена сущность совершавшейся «лингвистической революции XX в.»: если в XIX в. единственно научным считалось историческое языкознание, то XX в. выдвигал во главу угла «прикладное» языкознание, базирующееся на синхронном описании структуры языка. Это смыкалось с ранее сформулированными К. Д. Ушинским требованиями к академической науке.

6.4. Призыв Ушинского был услышан. Фортунатов, Шахматов и их ученики